

18+

Любовь
Ивана Ильича

или

Сны
сбываются
с четверга
на пятницу...

18+

Сергей Ушапский

Сергей Уманский

**Любовь Ивана Ильича,
или Сны сбываются с
четверга на пятницу. Сборник
психологических рассказов**

«Автор»

2021

Уманский С. В.

Любовь Ивана Ильича, или Сны сбываются с четверга на пятницу.
Сборник психологических рассказов / С. В. Уманский —
«Автор», 2021

Автор – врач-психотерапевт, доктор мед наук, профессор, хорошо знающий проблемы своих пациентов. В книгу вошли три психологические новеллы, сюжеты которых подсказаны медицинской практикой. Разные по форме и манере письма, их объединяет углубленный психологический анализ, интерес к тайнам психики и непредсказуемым поворотам в жизни. Драматические сюжетные линии перекликаются с размышлениями о природе человека, психических болезнях и способах их преодоления.

© Уманский С. В., 2021

© Автор, 2021

Содержание

ЛЮБОВЬ ИВАНА ИЛЬИЧА ИЛИ СНЫ СБЫВАЮТСЯ С ЧЕТВЕРГА НА ПЯТНИЦУ.	5
*****	9
*****	10
*****	12
*****	13
Сон жены пациента. Сны сбываются с четверга на пятницу.	15
*****	16
*****	17
*****	23
ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ О НАИВНОСТИ, СЛАБОСТИ И СИЛЕ.	24
Предисловие.	25
Через три месяца после описанных выше событий.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Уманский

Любовь Ивана Ильича, или Сны сбываются с четверга на пятницу.

Сборник психологических рассказов

ЛЮБОВЬ ИВАНА ИЛЬИЧА ИЛИ СНЫ СБЫВАЮТСЯ С ЧЕТВЕРГА НА ПЯТНИЦУ.

Любовь – это все.

И это все, что мы знаем о ней.

Эмили Дикинсон

Небольшой амфитеатр лекционного зала медицинской академии был переполнен. Студенты разных факультетов приходили на лекции профессора Либермана Михаила Львовича, известного психотерапевта, эрудита и замечательного докладчика. Слушать его лекции было одно удовольствие. Он никогда не пользовался лекторской кафедрой, никогда не читал тексты по бумажке и даже длинные цитаты произносил наизусть практически без запинки.

Большинство лекторов из профессорско-преподавательского состава появлялись в наглаженных белых халатах с папками и написанными текстами. Они тщательно, буквально по слогам читали свои лекции, чтобы студенты могли как можно точнее записать излагаемый ими материал.

Михаил Львович Либерман был им полной противоположностью. Он всегда был разный как внешне, так и интеллектуально, и эмоционально. Эксцентричный, ироничный, сдержанно-серьезный. Иногда в шикарном классическом костюме, иногда пуловере или твидовом пиджаке с галстуком-бабочкой, а иногда в потертых джинсах, жатой рубашке и сандалиях на босу ногу. Суровая администрация медицинской академии сквозь пальцы смотрела на некоторую экстравагантность любимого студентами педагога. А некоторые преподаватели, когда появлялась возможность, сами посещали лекции Либермана.

Тема очередной лекции профессора Либермана вызвала аншлаг как в студенческой, так и в преподавательской среде. Все места, проходы, ступеньки были заняты. На огромном экране проектор красными буквами на нежно-голубом фоне высвечивал название лекции: «Любовь и любовные зависимости».

Гул в лекционном зале стих, когда перед аудиторией появился профессор Либерман. Классический серый костюм и белая рубашка, расстегнутая на несколько пуговиц, а также красная гвоздика, вставленная в петлицу на лацкане пиджака, создавали некий романтический образ.

Аудитория зааплодировала. Либерман улыбаясь, театрально поклонился. Затем, потирая руки он с довольным видом оглядел лекционный зал и начал:

– Друзья мои, коллеги. Давайте сегодня поговорим о любви. В зале вновь послышались аплодисменты, крики ура, а на задних рядах кто-то развернул плакат, на котором по-английски было написано «Love forever».

Михаил Львович, увидев написанное хлопнул несколько раз в ладоши, и вытянув правую руку в сторону плаката, сжатую в кулак и с поднятым вверх большим пальцем произнес:

– Все верно. Молодцы. Love forever – Любовь навсегда.

– Ну а если серьезно, – продолжал он:

– Тема безграничная и актуальная. В чем-то противоречивая, но безусловно интересная. Исследователи проблемы любви разных специальностей по-разному подходят к этому удивительному феномену – Любовь!!! Нейрофизиолог станет описывать мозговые доминанты, рефлексy и импульсы влюбленного человека, зоны возбуждения и торможения, биохимик – действие гормонов и медиаторов, их действие на рецепторы, а психолог будет говорить о личностных особенностях, характере, темпераменте, привлекательной внешности, взаимопонимании. Совсем другое – творческий человек – поэт, художник, скульптор – они будут передавать свое ненаучное, сугубо субъективное восприятие через доступные им средства и образы.

Феномен любви многогранен и нет никаких предпосылок считать какое-либо объяснение полным и истинным. Точнее будет сказать, что разные подходы могут дополнять друг друга.

Аудитория с интересом слушала очевидные вещи, но с особым настроением на то, что дальше будет какая-то «изюминка», какой-то неожиданный поворот, которые так любил профессор Либерман.

Но Михаил Львович не торопил события. В запасе у него было еще полтора часа лекционного времени, и он смаковал предвкушение неоднозначных ожиданий студентов и коллег от своего выступления.

– Итак, мои друзья, чтобы объяснить феномен любви во всей его многогранности, необходимо попытаться интегрировать различные подходы, дополняющие друг друга и создающие целостную картину. Как говорил Сэр Хэлфорд Джон Мак-Киндер: «Знание одно. Его деление на дисциплины есть уступка человеческой слабости».

Сделав многозначительную паузу, профессор продолжал:

– А с каких позиций должны рассматривать любовь мы, медицинские работники, врачи. В первую очередь, конечно, психиатры и психотерапевты. Или вы думаете, что это не наша тема.

По аудитории прошелся легкий смешок.

– Зря улыбаетесь и смеетесь уважаемые коллеги. Это наша проблема. Еще как наша.

– Или кто-то не согласен – Михаил Львович обратился к аудитории, которая притихла, не желая вступать в дискуссию с профессором.

– Хорошо, продолжим, – нюхая цветок на лацкане пиджака поговорил Либерман. Он еще раз медленно осмотрел аудиторию и сделав два шага вперед, вплотную приблизился к слушателям. Глаза его блестели. Дыхание стало чаще, голос был немного приглушен. Конечно, Либерман немного играл. Как хороший психотерапевт он умел создавать нужную психоэмоциональную атмосферу для своих внушений и воздействий. И здесь, в этом небольшом, но уютном лекционном зале сидели готовые воспринимать его мысли, чувства и переживания слушатели, будущие носители его идей.

– Истинная любовь, – воодушевленно говорил Михаил Львович Либерман, – это божий дар света, радости, счастья, это состояние безотчетного влечения одного человека к другому. Это гамма позитива в мыслях, чувствах, переживаниях, ощущениях. И испытав это состояние влюбленности, человек стремится удержать его. Однако степень выраженности этого состояния бывает различной и существует категория людей, у которых чувства к объекту влюбленности достигают значительных масштабов, превышая все допустимые границы здравого смысла.

– Кто мне скажет, что такое нормальная любовь? – Либерман обратился к аудитории. Он развел руки в стороны и его выражение лица стало вопросительным:

– Ну, смелее...

Ответа из аудитории не последовало.

– Да, безусловно, это очень трудный вопрос, на который даже я, наверное, не смогу ответить, – грустно констатировал профессор.

– Однако если немного отвлечься и порассуждать, то конечно, можно говорить о том, что есть нормальная любовь. А если есть любовь нормальная, значит есть любовь и не нормальная.

Аудитория затихла. Она не ожидала такого поворота.

Как лектор Либерман был неподражаем. Он виртуозно владел аудиторией завораживая слушателей своим голосом и своими идеями.

– А теперь внимание!

– Нормальная любовь! Нормальная любовь? – интонируя эти фразы дважды произнес профессор.

– Нормальная любовь. Кто осмелится сказать, где начинаются ее границы и где они заканчиваются, где начинается патология, болезненная страсть к другому человеку, перешагнувшая все допустимые, культурально-обусловленные нормы, превращаясь в агрессивную, навязчивую, аномальную любовную зависимость?

Тишина в лекционном зале была такая, что было слышно, как перелистываются страницы тетрадей и блокнотов. Либерман остановился и осмотрел аудиторию. Он видел, как слушатели быстро пытаются конспектировать сказанное им и это его радовало.

– К сожалению, не я это установил и лавры принадлежат не мне, – В этом месте Михаил Львович улыбнулся. Слушатели улыбнулись в ответ. Небольшая пауза ему была необходима для того, чтобы плавно перейти к важной теме патологии в любви.

Профессор Либерман продолжал:

– Мысль о том, что любовные отношения также как и сексуально-эротические привязанности могут носить аддиктивный, то есть зависимый характер, была высказана более сорока лет назад в книге Стентона Пила и Арчи Бродски «Любовь и зависимость».

Уже в то время авторы провели смелые параллели между патологической любовно-эротической страстью и зависимостью от наркотических веществ. Через пять лет после исследований Пила и Бродски, Дэвид Саймон подтвердит существование любовной аддикции.

– Запишите. Запишите и запомните, – Либерман повернулся лицом к экрану, на котором было написано, что **ЛЮБОВНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ** есть в полной мере аддикция, то есть жесткая зависимость от любовных отношений с фиксацией внимания, чувств и мыслей на другом человеке (объекте обожания).

Профессор повернулся к аудитории:

– Коллеги. Патологическая, то есть болезненная привязанность к объекту влюбленности и обожания – одна из форм нехимических аддикций. Эта губительная навязчивая страсть, лишаящая зависимого субъекта способности объективно оценивать реальную ситуацию и трезво смотреть на себя и свое поведение. Любовная зависимость уничтожает внутреннюю гармонию, лишает душевного равновесия, награждает болью, страданиями, постоянной тревогой и депрессией. Однако страдает не только зависимый, но и во многом его объект влюбленности и обожания (которому может угрожать реальная опасность), а также многие окружающие их люди.

Зал взорвался овацией. Либерман стоял немного смущенный и улыбался. Через некоторое время он поднял руку как бы останавливая поток благодарности и со словами «спасибо, спасибо» продолжил свою лекцию.

– Терапия подобного рода состояний всегда сложна и энергозатратна, сопряжена с большими сложностями и временными издержками. В большинстве случаев при любовной зависимости профессиональная психотерапия бывает достаточно эффективна. Но бывают и более тяжелые формы любовных аддикций, когда психотерапия даже в комплексе с мощной психофармакологической поддержкой оказываются бессильны перед всепоглощающей силой любовной страсти. В данном случае не имеются ввиду бредовые расстройства, т.е. состояния психического уровня.

Полтора часа лекционного времени пролетели незаметно. Раскланиваясь перед благодарной аудиторией, профессор Либерман отметил, что несмотря на все сложности и опасности любовных отношений, главное не провалиться в любовный омут.

– А вообще любовь как чувство, как состояние души – это прекрасно. Любите, искренне любите друг друга и будет вам счастье, – закончил свою лекцию Михаил Львович Либерман под бурные аплодисменты и выкрики браво.

При выходе из лекционного зала профессора Либермана остановил молодой человек лет двадцати.

– Михаил Львович, извините, – обратился к профессору юноша, явно сильно смущаясь, краснея и немного дергая левым плечом. Извините пожалуйста, что я вас отвлекаю, но мне больше не к кому обратиться. Профессор приостановился, быстро посмотрел на часы, затем на молодого человека с его смущением и какой-то тоской в глазах. До консультативного приема оставалась еще сорок минут. Немного времени было.

– Я слушаю вас молодой человек. Вы мой студент? Что-то я вас не помню?

Юноша еще больше засмутился и слегка заикаясь произнес:

Да, я студент, но вы меня не знаете. Я учусь на другом потоке. Вы у нас не преподаете.

Хорошо. В чем ваш вопрос? Я весь внимание – и взяв под руку молодого человека повел в сторону небольшой рекреации, где в это время как правило никого не бывает и можно немного спокойно поговорить. Обращения студентов университета к профессору с разного рода просьбами были не редкость. Либерман никому не отказывал, считая это одним из элементов корпоративной этики. Многие знали об этой особенности Михаила Львовича и пользовались возможностью получить квалифицированную консультацию.

Как и предполагал профессор в рекреации никого не было. Небольшое помещение с огромной ухоженной пальмой в углу и портретами медицинских светил в массивных золоченых рамах создавало ощущение некоторой торжественности и значимости, нежели предполагало к отдыху. Однако маленький диванчик, обитый коричневым дермантином и громоздкое неудобное кресло были свободны. Либерман предложил присесть.

Молодой человек, опустившись на краешек дивана и желая сэкономить профессору время, начал быстро излагать суть проблемы.

– Вы знаете, со мной все в порядке. Но у моего дедушки очень большая проблема. Все говорят, что у него “крыша поехала”. Вы извините меня за жаргонные словечки. Я знаю, что вы это не любите...

Несколько помедлив, он продолжал: “ Но других слов я тоже подобрать не могу... Дед с бабушкой прожили больше 40 лет. Сейчас ему семьдесят три. Влюбился в немолодую женщину. С бабушкой хочет развестись. Уже подал заявление”.

– Ну и в чем проблема? Любви все возрасты покорны, полусерьезно произнес Либерман.

– Да. Но у него инфаркт был, операцию на сердце какую-то делали. Такое ощущение, что он с ума сходит. И с той женщиной толком не живет и от бабушки не уходит. Мечется. Какие-то странные вещи говорит.

Либерман на секунду задумавшись, произнес:

Вы знаете, молодой человек. На ходу такие вопросы не решаются. Вот моя визитка с контактным номером телефона. И Михаил Львович протянул юноше свою визитную карточку.

– Если ваш дедушка решит воспользоваться моими услугами, пусть он мне позвонит. Я назначу ему встречу.

Молодой человек с благодарной улыбкой взял визитку и со словами: «спасибо, огромное спасибо», – быстро ретировался.

Любви все возрасты покорны.

А.С. Пушкин. Евгений Онегин.

Встреча профессора Либермана и дедушки молодого человека, которого звали Иван Ильич, состоялась через неделю.

В кабинет Михаила Львовича Либермана вошел статный, крепкого сложения мужчина. Бывший бригадир на стройке выглядел достаточно импозантно. Его седые густые волосы были аккуратно подстрижены. Не было и намека на лысину. На безымянном пальце правой руки золотом блестел огромный перстень с черной вставкой. От него исходил аромат средней руки парфюма. Сев в предложенное кресло, Иван Ильич представился и замолчал, смотря в пол.

Было видно, что его попытки собраться с мыслями ни к чему не приводят.

Свой вопрос: «Что вас привело к психотерапевту?» – Либерман уже задал и ждал ответа. Прошло еще некоторое время. Иван Ильич поднял голову. На глазах были слезы. Врач предложил ему бумажную салфетку, от которой пожилой мужчина отказался, вытерев слезы тыльной стороной руки.

– Стыдно как-то мне, – произнес Иван Ильич.

Такого начала Михаил Львович не ожидал и вопросительно поднял брови.

– Стыдно-то как. Не думал, что такое со мной произойдет. Старый, а влюбился как мальчишка. Даже по молодости такого не было. Он пристально посмотрел на профессора.

– Елена ее зовут, овдовела чуть больше года назад.

Либерман продолжал молчать, настраиваясь на исповедь измученного чувствами человека.

Иван Ильич продолжал:

– А ведь у меня жена, дети, внуки. Как дальше жить не знаю. Чего уж я не делал, как только не пытался забыть ее. И в церковь ходил, и батюшке исповедался. Он говорит грех, да я и сам знаю, что грех, а сделать ничего не могу. Тянет меня к Елене и все.

Затем немного помолчав, начал свой рассказ о пребывании в санатории и своей любви. Он говорил много и долго о том, как сильно привязался к Елене Андреевне, что не может без нее жить и ему тоскливо и плохо без нее.

Исповедь Ивана Ильича была искренняя, эмоциональная. Иногда он улыбался, рассказывая о приятных моментах, проведенных с Еленой, а иногда слезы сами текли из его грустных потухших глаз. И смех, и слезы, но все через флер депрессии и безысходности.

Познакомились Иван Ильич и Елена Андреевна в местном санатории поздней осенью. На тот момент ему было семьдесят два года, ей – пятьдесят три. Почти двадцать лет разницы. Он реабилитировался после перенесенного инфаркта миокарда и последующего стентирования коронарных артерий, она лечила свой застарелый остеохондроз и порядком изношенные артрозом коленные суставы. Их роман протекал молниеносно и бурно. Иван Ильич чувствовал себя настоящим гусаром, сорил деньгами, не отказывая ни себе ни Елена Андреевна ни в шампанском Абрау-Дюрсо, которое она очень любила, ни в сексе, который любил он.

Но время скоротечно-незаметно приблизило их к окончанию срока пребывания в санатории. И закончиться бы на этом санаторно-курортному роману. Но нет. Гормонально возбужденный и наВИАГРенный Иван Ильич сделал предложение стать его женой, вдовствующей уже десять месяцев Елене Андреевне. И вот здесь случился конфуз. Елена Андреевна отказала Ивану Ильичу, сообщив ему, что т.к. он женат, а она совсем недавно похоронила мужа, то они могут быть только друзьями (и даже не любовниками, а только друзьями). Как после этого у Ивана Ильича не случился повторный инфаркт, никто не знает, но он срочно поехал домой

разводиться. Все рассказал жене, которая, простив его, всячески пыталась сохранить семью. У них даже случился секс, которого не было последние пять лет. Но Иван Ильич не внял мольбам жены и все-таки подал заявление на развод. Жена терпеливо ждала.

И именно в этот момент Иван Ильич по совету внука, студента медицинской академии, решил обратиться к психотерапевту.

Михаил Львович Либерман как опытный психотерапевт очень чутко отнесся к проблеме своего нового пациента, осторожно и бережно анализируя его сложные и неоднозначные переживания.

Первые несколько сеансов протекали преимущественно в виде монологов Ивана Ильича. Попытки профессора Либермана как-то скорректировать течение терапевтических сессий, что-то изменить в этом словесном напоре оказались неэффективными. Домашние задания пациент не выполнял и вообще не пытался что-либо поменять ни в своем поведении, ни в отношении к ситуации. Из рассказов Ивана Ильича Михаил Львович понял, что он практически ежедневно навещал Елену Андреевну. Иногда она уходила к дочери, помогая ей с воспитанием детей и тогда Иван Ильич смиренно сидел на лавочке у ее подъезда, дожидаясь, когда она придет.

В течении месяца состояние Ивана Ильича ухудшилось, появились выраженные депрессивные симптомы, нарушился сон, но суицидальных мыслей он не высказывал.

К концу второго, началу третьего месяца психотерапии Иван Ильич стал жаловаться на тягостные, неприятные ощущения в области сердца, однако кардиологи не отметили серьезных нарушений сердечной деятельности. В такой ситуации профессор Либерман счел необходимым назначить препараты антидепрессивной и седативной направленности, которые бы могли несколько облегчить состояние его пациента.

Конечно, и это профессор прекрасно понимал, что такая терапия не решит проблемы в целом. Однако подобного рода подход даст возможность еще какое-то время психотерапевтически аккуратно, эмпатически тепло и тонко воздействовать на пожилого пациента. Либерман знал, что чем старше пациент, тем сложнее изменить его установки, возможность ему принять новую точку зрения и тем более измениться самому.

Иногда про себя Михаил Львович думал:

– Интересно. Сколько времени еще потребуется для решения проблемы Ивана Ильича? Что еще предпринять? Понятно, что конечной целью психотерапии должно стать хорошее психоэмоциональное состояние пациента. Но... Но вопрос в том, что для этого должно произойти!? Какие действия или события могут привести к нормализации состояния, обретению чувства мира и покоя в душе? Вопрос вопросов!!!

Время шло. Психотерапия продолжалась. Стабильно. Два раза в неделю. Иван Ильич очень ответственно и скрупулёзно подходил к терапевтическим сеансам. Никогда не опаздывал. Несмотря на депрессивный фон настроения всегда был чисто выбрит и аккуратно одет. Однако по заострившимся скулам и осунувшемуся лицу было видно, что он похудел.

На фоне прохождения сеансов психотерапии Иван Ильич еще в течении трех месяцев дважды делал Елене Андреевне предложение руки и сердца, но она ему опять отказала, придерживаясь дружеских отношений и не допуская интимной близости.

Психотерапия протекала ни шатко, ни валко, вследствие возраста больного, его ригидных установок и не затухающей любовно-эротической страсти. Каких-либо конкретных установок Ивану Ильичу профессор Либерман не давал и не подталкивал его к определенному решению актуальной проблемы. Пытаясь разобраться в его чувствах, долге, ответственности, любви и т.п., они ходили кругами вокруг да около.

Кабинет Михаила Львовича в университетской клинике был небольшой, но уютный. Окно выходило в парк, и профессор иногда любил смотреть в него и наблюдая за происходящим. Унылая осень с тяжелыми серыми облаками, промозглыми долгими дождями, темные деревья с полуопавшими разноцветными и пожухлыми листьями навевали тоску.....А затем погода менялась. Выпадал первый снег. Он искрился на солнце и радовал глаз. Исчезали мокрые зонты и люди меняли одежду. Крепкий морозец заставлял кутаться в шарфы и меха и ускорять шаг. А затем наступала весна с зеленью распускающихся листьев и пробивающейся травы, с неспешным променадом студентов, их объятиями и поцелуями на лавочках и в беседке в дальнем конце парка, которая хорошо просматривалась из окна профессора. “Молодость – это прекрасно”, – думал Либерман, вспоминая свое студенчество как один из лучших моментов жизни.

Большую часть своего времени профессор проводил на работе, которую безумно любил и был благодарен судьбе, что она свела его с психотерапией.

Но сейчас легкое беспокойство за судьбу пожилого пациента лишало его покоя.

Сидя в своем любимом кресле около большого т-образного стола, за которым ежедневно проводились утренние пятиминутки и длительные консилиумы, Либерман смотрел на большой портрет Зигмунда Фрейда, запечатлённого в полный рост. Основатель психоанализа. Может быть не совсем ученый, но гениальный исследователь.

– Какой мудрое одухотворенное лицо, – постоянно в своих мыслях отмечал профессор, рассматривая картину, написанную одним из его пациентов. На полотне в массивной золочёной раме Фрейд стоял полубоком, с дымящейся сигарой в руке. Лицо его было повернуто, и так получилось, что доктор Либерман и доктор Фрейд смотрели друг на друга.

Ну что коллега – Тупик. Тупик с большой буквы, – но в глазах Фрейда читалось, и Либерман это знал, что в жизни тупиков не бывает. Тупики бывают только в нашем сознании. Кто это сказал, Михаил Львович этого не помнил, но усвоил на всю жизнь.

–Возможно я что-то упускаю, – думая об этом, Либерман был в некотором замешательстве.

– Может быть есть какая-то органика. Где-то что-то пропустили. Желая подстраховаться для исключения возможной сопутствующей патологии, дополнительно было проведено полное клиническое обследование с исследованием гормонов, сделана электроэнцефалограмма и компьютерная томография головного мозга. Однако, какой-либо серьезной патологии, кроме ишемической болезни сердца выявлено не было.

С одной стороны, облегчение, установленный диагноз верен, в чем, собственно, Либерман и не сомневался. А с другой стороны, что делать дальше?

Михаил Львович хотя и переживал за длительное отсутствие отчетливой положительной динамики, но всегда помнил слова величайшего из психотерапевтов Карла Юнга: “Спасение заключается только в мирной работе по воспитанию личности”. Либерман был убежденным сторонником мягкого, деликатного, эмпатического подхода. Никакого психологического насилия, давления или как любят выражаться молодые психотерапевты – психотерапевтических интервенций. Слово то какое придумали – интервенции. Получается, что тот, кто проводит интервенцию пусть и психотерапевтическую – интервент. Если в переводе на русский язык интервенция – это агрессивное вмешательство, то интервент – это агрессор.

Рассуждая на тему психотерапевтических подходов, профессор был убежден в том, что психическая организация каждого человека индивидуальна, психологические установки, формируемые годами жизни, религией и культурой, семейным воспитанием и социальной средой уникальны и нельзя вот так беспардонно вторгаться на чужую территорию, даже если, как нам кажется, она устроена неправильно.

На пятом месяце психотерапии произошло резкое улучшение состояния. У Ивана Ильича исчезло депрессивное настроение, он начал улыбаться, смеяться, шутить. С Еленой Андреевной он больше не встречался, постоянно повторяя, что семейные ценности превыше всего. Улучшились его отношения с женой. Он забрал из ЗАГСа заявление о разводе. Либерман считал это результатом эффективно проведенной работы, был горд достигнутым результатом и планировал окончание терапии. Об этом же сообщил и Ивану Ильичу, который сказал, что он в принципе согласен с оценкой его состояния профессором, и неожиданно перешел на воспоминания о прожитой жизни и своей жене. Затем его рассказ принял неожиданный поворот.

– Мы с женой живем больше сорока лет, – рассказывал Иван Ильич. – Это было у нее с молодости. Она часто видела сны, и они сбывались. Я сам не верил – был коммунистом-атеистом. Со всякими суевериями и мракобесием боролся. А жена часто сны свои рассказывала. Бывает, расскажет приснившейся ей сон. В целом – ерунда всякая. А сбывается. Я уж думать не думаю, забыл давно, а потом как бы через какое-то время все получается все точь-в-точь как она рассказывала.

Иван Ильич тяжело вздохнул и продолжал:

– Особенно сильно я запомнил один случай. Это было лет тридцать назад. Моя мать тогда сильно заболела и попала в больницу. Я собирался ехать, но с работы сразу не отпустили. Так по телефону созванивались. Она жила в другом городе. Я тогда со своей сестрой созванивался. Они вместе с мамой жили. Спрашивал ее, что да как. А сестра мне говорит, что простыла мама, бронхит не очень тяжелый, то да се. В общем, не переживай.

Мама один раз сама из больницы позвонила. Голос был у нее такой бодрый:

– Все нормально сын, – говорит. – Не переживай, через два-три дня выпишут меня. Я успокоился. Думаю, с работы срываться не надо. Жене об этом сказал. Она обрадовалась. У нас тогда двое маленьких детей было и, если бы я уехал, ей бы тяжело пришлось. Вроде бы как-то напряжение спало. Легли спать. А утром жена сказала, что сон нехороший видела, будто бы моя мама мясо резала, резала и отворачивалась. Мясо, говорит, вроде протухшее было. А запах такой зловонный, окутал маму как облаком. «Ну а дальше», – говорит жена, – я проснулась.

Она смотрела на меня с тревогой и жалостью:

– Не знаю, умерла – не умерла, но я думаю тебе, – говорит жена мне, – ехать надо, попрощаться. Вещий это сон Ваня. Я знаю. И ты знаешь, что сны с четверга на пятницу всегда сбываются.

Я перепугался не на шутку, звоню сестрице родимой. Она говорит, что у мамы все хорошо, все нормально. Вчера вечером была. Болтали, смеялись, маманя такая веселая была, так что брат не переживай. Я усомнился. Вчера – это вчера, а сегодня может быть по-другому. Поэтому позвонил ее врачу. Он тоже подтвердил, что все хорошо, волноваться не стоит, и через пару дней выпишет ее из больницы. Лечение и выздоровление, говорит, идут без особенностей. Тогда успокоился я окончательно. Работаю как обычно.

А через день сестра звонит и сообщает мне, что мама внезапно умерла. Тромб откуда-то оторвался – будь он проклят, и я вместе с ним.

– Для меня это был шок, как обухом по голове. И тут всплывают слова жены, что надо было ехать попрощаться. До сих пор себя этим корю.

– Так что кто-то, может быть, и не верит в вещие сны, а сны моей жены по-настоящему вещие и я ей верю.

Михаил Львович был в недоумении.

– Иван Ильич, – спросил он. – А какое отношение имеют вещие сны вашей жены к нашей психотерапии.

Пожилый пациент немного помолчал, глядя то на профессора, то в окно, а затем тихо произнес:

– Я не хотел говорить вам об этом, это все какая-то мистика. Где-то месяца полтора назад, в пятницу утром моя жена рассказала, что видела нехороший сон. А сны с четверга на пятницу сбываются. Это все знают!!!

Сон жены пациента. Сны сбываются с четверга на пятницу.

«Идешь ты Иван Ильич по улицам пустого города. Утро или вечер – понять невозможно. Полная тишина. Ни голосов не слышно, ни шума проезжающих машин. А ты продолжаешь идти, хотя понимаешь, что улицы не знакомы. И настроение у тебя хорошее, так как ждет тебе твоя ненаглядная Елена. Идешь и улыбаешься, хотя даже не знаешь куда идти, будто какая-то ниточка путеводная тебя ведет. За один угол завернул за другой и открывается тебе площадь, а на ней много людей. И когда ты вышел, все на тебя посмотрели. И такой нехороший гул пошел, что у тебя мурашки по телу пошли. И в это время толпа стала раздвигаться, но медленно так и как бы нехотя, а когда раздвинулась, как-то сразу и исчезла, и остался один гроб, у которого сидит Елена и улыбается. За гробом стоит узнаваемый дом, в котором живет Елена. Большая девятиэтажка, а вместо окон – траурные венки. Ты не понимаешь, что происходит и подходишь к гробу. Лежащая в нем молодая женщина тебе не знакома, но она тоже улыбается тебе неестественной мертвой улыбкой. Ты посмотрел на Елену и спросил ее:

– Кто это.

Она ответила:

– Это моя дочь. Она умерла. Теперь я свободна.

Закончив пересказ сна, Иван Ильич вытер пот со лба и сказал:

– Вот видите, что может получиться, если я не отпущу Елену, не освобожу ее от себя. Если я этого не сделаю, то умрет ее дочь. А я этого не хочу. Не хочу и не могу причинить ей даже маленькую боль. Пусть она живет, как живет, а я как-нибудь со своей болью справлюсь.

– А как же ваша любовь? – спросил Либерман.

– Конечно, она не прошла еще до конца, – печально произнес Иван Ильич, – свербит под ложечкой, но как у нас говорят – время лечит. Пройдет. Семья поддержит. Таблеток ваших попью еще. Так что со мной все нормально будет.

В контексте этой психотерапевтической сессии Михаил Львович не стал обсуждать суеверия и реалии вещей снов. Пациент принял решение. Его психоэмоциональное состояние было достаточно устойчивым, без явно выраженных элементов депрессии. Критика к своему состоянию и сложной жизненной ситуации – адекватная.

Профессор Либерман понимал, что манипуляции жены со сновидениями достигли определенной цели, и Иван Ильич поверил «вещему сну» своей супруги. Он принял благородное решение спасти дочь Елены Андреевны, пожертвовав своей любовью. Да, он принял решение, но решение, основанное и принятое на суеверии.

В профессорском кабинете за большим т-образным столом сидели сотрудники отделения психотерапии, которым заведовал Либерман. Михаил Львович собрал на консилиум врачей своего отделения по сложному случаю Ивана Ильича.

В общих чертах все знали об этом пациенте. Пожилой мужчина с отягощенным кардиологическим анамнезом и сложной жизненной ситуацией – в целом достаточно проблематичный для быстрого психотерапевтического выздоровления. Врачи это прекрасно понимали. Но чтобы сам профессор обращался за помощью к более молодым коллегам по поводу подобного случая – такого еще не было.

Михаил Львович постучал ручкой по чашке с недопитым кофе.

– Уважаемые коллеги. Прошу вашего внимания. В кабинете установилась тишина с витающим запахом недавно сваренного кофе.

– Все вы знаете нашего пациента Ивана Ильича. Лечится более пяти месяцев. Динамика скорее отрицательная, нежели положительная, и на это есть свои причины. Но за последнюю неделю с ним произошли разительные изменения.

Коллеги утвердительно покачали головами: «Да, мы заметили... Вы маг... Кто бы сомневался», – слышались комплименты.

– Друзья. Вы все неправильно поняли. Это не моя заслуга, – удивление появилась на лицах присутствующих врачей.

– Да, да. Я здесь не причем. Как вы знаете, я не сторонник чудесных исцелений. И если даже такие ситуации у нас с вами в психотерапии иногда случаются – понятно, что для пациента это необыкновенная радость, а для нас скорее проблема.

– Да, к сожалению, мы это знаем – подтвердил Петр Александрович Волков, лысеющий сорокалетний мужчина в круглых роговых очках: «За взлетом всегда следует падение». Либерман кивнул головой.

– Так что же случилось, и кто тот маг и волшебник, что сотворил чудо? – профессор обвел собравшихся врачей интригующим взглядом.

– Хорошо. Не буду вас дольше интриговать.

– Это жена.

Небольшое смятение и сразу же посыпалось: «Вот это да. Как это ей удалось? Волшебница! и т.д.».

Михаил Львович как хороший актер выдержал паузу:

– Коллеги. Все дело во сне, который рассказала жена Ивану Ильичу. И профессор поведал все то, что Иван Ильич рассказал Либерману.

– Какое-то средневековье. Чушь собачья, – в сердцах ругнулся доктор Волков.

– Петр Александрович, – обратился Михаил Львович к своему ординатору: «Мы же специалисты в этой области, а значит профессионально должны подходить к таким ситуациям».

– Да это суеверия. Ну и что. Мы знаем, что суеверия и мистика пронизывают всю нашу жизнь, иногда даже больше, чем нам кажется. Жизнь человека во всем ее многообразии предполагает использование различных способов взаимодействия с реальностью. Некоторые из них могут способствовать преодолению сложных жизненных ситуаций, другие нарушают адаптацию и могут приводить к серьезным проблемам, как социального плана, так и психосоматического здоровья. «Что-то я как на лекции», – подумал Либерман, а вслух продолжал:

– Итак, коллеги, в чем необычность данного терапевтического случая? Понятно, что она, эта необычность, заключается во влиянии внешнего (не профессионального психотерапевтического), а пралогического (то есть мистического) воздействия на субъекта любовно-эротической зависимости, то есть на Ивана Ильича.

– Воздействие в форме «вещего сна» – впервые с таким сталкиваюсь в клинической практике, – произнесла полушепотом Наталья Степановна Голубцова. Она была подающей надежды врачом-психотерапевтом. Эрудированная, тактичная, эмпатичная – ее очень уважали и любили, особенно пациенты пожилого возраста.

Либерман услышал фразу, сказанную Голубцовой и повернулся к ней.

– Наталья! Это не была фамильярность. По имени он обращался ко всем сотрудникам своего отделения если благоволил им. По фамилии – если что-то требовалось от них по работе, по имени отчеству – если в чем-то они провинились.

– Наталья – а у тебя есть какие-нибудь суеверия. Голубцова вспыхнула розовым цветом приятного круглого лица. – Да вроде нет.

– А если подумать?

– Да нет, Михаил Львович.

– И в барабашек, и в домовых не веришь. Наталья улыбнулась: «Нет».

– А пальчики на удачу скрещиваешь. Девушка хихикнула: «Да».

– А если кошка черная дорогу перебежала. Либерман шурясь и улыбаясь смотрел на свою молодую коллегу. «Ну плюну три раза через левое плечо» – сказала она и громко рассмеялась.

– А по дереву постучать чтобы не сглазили, – включился в разговор доктор Волков.

– Я все поняла, – произнесла Наталья Степановна.

– То-то вот и оно, – произнес профессор, – А зачем все это?

– Да я даже не знаю, не задумывалась как-то, – ответила смущенная Голубцова.

– Вот так суеверия входят в нашу жизнь. Несмотря на весь этот научно-технический прогресс мы все поголовно, ну или почти все вовлечены в мистико-эзотерическую реальность, даже не замечая этого. Даже наша эрудированная красавица Наталья, простите, уважаемая Наталья Степановна, – Либерман шутливо поклонился в ее сторону: “Даже она оказалась вовлеченной в суеверия”.

А что говорить про основную массу населения. И не думайте, что это только у нас в стране такая ситуация. Везде, по всему миру.

Либерман включил в себе лектора:

Чем это обусловлено – скажу. Самым обычным страхом. Страхом, который мы не осознаем, но он присутствует в нас и передается от поколения к поколению.

Эти суеверия образовавшись еще на ранних этапах развития человечества. Они были уже у первобытных людей. А затем эволюционно первобытные представления оказались включенными в картину мира и современного человека.

Поэтому, уважаемые коллеги, мы имеем такую широкую распространенность архаических представлений в форме верований, примет и суеверий, которая применяется людьми в различных сферах бытия с целью «якобы» защиты от невзгод, порожденных непредсказуемостью мироустройства, что естественным образом снижает уровень внутреннего страха. Суеверия нужны людям, и они сохраняют свою значимость наряду с другими защитными психологическими образованиями, возникающими в более поздние периоды.

Михаил Львович, – обратилась Наталья Голубцова к профессору. Так получается суеверия не так уж и плохи. Они защищают нас от стрессов, они связывает настоящую реальность с прошлым и будущим. И вообще они являются одной из важных составляющих мировоззренческой картины мира человека.

– Умница. Какая ты умница. Все правильно поняла, – похвалил Либерман Наталью.

– Многие суеверия, верования, ритуалы, традиции, обычаи, а также переживания, образуют индивидуальную магическую объяснительную систему мироздания, которая сформировалась в глубокой древности, досталась нам как бы в наследство, а в настоящее время имеет защитные свойства от незримых сил, способных нанести нам определенный вред, – продолжал профессор.

– Тоже касается и вещих снов? – задал вопрос Гурам Иосифович Ниарадзе, еще один сотрудник. Опытный психиатр, кандидат медицинских наук. Приехал из Грузии. После профессиональной переподготовки решил попробовать себя на поприще психотерапии. Михаил Львович очень высоко ценил доктора Ниарадзе за его клиническое чутье. Большой психиатрический опыт давал ему возможность увидеть даже незначительную и уникальную психопатологию в нагромождении разного рода симптомов и синдромов.

– Да, Гурам, да. Ты прав, – произнес Либерман обернувшись к доктору Ниарадзе, – Вещие сны – это сновидения, которые предсказывают то, что чуть позднее произойдет в реальности. Вещими принято называть те сны, события из которых впоследствии происходят наяву. Считается, что в вещих снах люди получают советы, предупреждения, и другую важную для них информацию.

– Но это же чушь –горячо, по-кавказски отреагировал Гурам.

Доктор Ниарадзе, Гурам Иосифович, спокойнее, – улыбнулся Либерман, – Здесь не все так просто.

– Вещие сны – конечно это суеверие и миф. А чтобы миф существовал, его надо поддерживать. Поэтому существуют люди, которые распространяют и поддерживают эти мифы. Таких людей называют информантами. Рассказы информантов полны примерами сбывшихся, по их мнению, вещих снов. Информанты – это люди, как правило, глубоко вовлеченные в тему и нередко психопатизированные. Есть среди информантов и люди с умственной отсталостью, шизофренией, бредовыми расстройствами, но есть и манипуляторы, которые занимаются этим ради своей выгоды. Вот они и индуцируют, и заражают своей верой окружающих суеверно-мистическим мировоззрением, ну убеждают их в своих необычных способностях, конечно.

– Это как раз и понятно, – сказала Наталья: “Но как объяснить сон жены Ивана Ильича о смерти его матери в больнице”.

– Наташа! Это что, вопрос на засыпку, – улыбаясь спросил Либерман у своей молодой коллеги: “ Однако и здесь тоже не все так сложно. Могу предложить несколько сценариев. Первый – интуиция жены Ивана Ильича. Второй. Я его называю “пробный шар”. Если сбывается информация – то это подтверждает необыкновенные способности информанта. Причем событие смерти пожилого человека в принципе прогнозируемо. Неважно через какой промежуток времени: через день, неделю, месяц, год... И, если допустим Иван Ильич за этот промежуток времени не увиделся бы с матерью, и она бы умерла через три или четыре месяца после выписки из больницы, предсказания вещего сна все равно были бы актуальными, как и чувство вины сына, не попросившегося с матерью перед смертью. В такой ситуации жена могла бы сказать: “А я же тебе говорила”.

–А если не сбывается. – хитро шурясь спросил Гурам Ниарадзе.

–А ты, Гурам Иосифович, сам как думаешь? – улыбаясь спросил своего коллегу Либерман.

–Если честно, Михаил Львович, я не знаю, ответил озадаченный ординатор.

–А кто знает? – Все молчали.

Отвечаю, – профессор сделал сначала серьезное лицо, а затем, улыбаясь, произнес: “Если не сбывается предсказания провидца, то в жизненной суете это быстро забывается. Как будто бы ничего и не было. Предсказатель белый и пушистый, и его реноме не пострадало. Таких людей редко разоблачают. А если кто-то и попробует это сделать, то сам же от этого скорее всего пострадает. Вот так-то. Плохо знаете психологию обыденной жизни человека, коллеги. Читайте и перечитывайте Фрейда”. Все непринужденно рассмеялись, с удивлением понимая простоту и очевидность ответа.

Михаил Львович, а вы говорили, что есть еще какие-то сценарии, – продолжила тему Наталья Степановна.

Да, Наташа, есть еще один сценарий, Интересный такой сценарий – сна не было, а информация о нем была донесена задним числом в подтверждение своих способностей видеть вещие сны. Этот подход требует определенной хитрости и манипулятивных способностей со стороны провидца-прорицателя и некоторой измененности сознания, эмоциональной напряженности или интеллектуальной недостаточности человека, на которого направлено воздействие. В таких ситуациях хорошими объектами оказываются дети, пожилые люди и особенно старики. В ситуации, о которой я говорю, что важно. Необходимо ввести информацию таким образом, чтобы у человека, для которого подготовлена эта информация, возникло ощущение того, что явление – допустим вещий сон, был перед возникновением события, предсказанного этим сном.

Надо понимать психологию людей, «видящих» вещие сны. Они же должны поддерживать каким-то образом свой статус прорицателей. Это и их самооценку повышает, и уважение у окружающих вызывает. Да и при необходимости манипулировать кем-то можно. Да хотя бы собственным мужем. Видимо так и случилось с Иваном Ильичом”.

– И что нам все это дает? – вопрос доктора Волкова был для Либермана неожиданностью. Ему казалось, что опытный психотерапевт Волков, профессионал высшей категории понимает такие вещи.

– Петр Александрович! Вы же знаете, что вера, базирующаяся на суеверии и вера здравого смысла – это две большие разницы. Волков кивнул головой. Михаил Львович продолжал:

– Научная психотерапия не может отвернуться от такого огромного пласта субъективной психической реальности. Серьезные научные исследования рассматривают пралогические образования в качестве защитно-адаптивного феномена и специфических стратегий совладания. Такой подход в отношении к суевериям и мистицизму с одной стороны позволяет дифференцировать болезненные состояния, однако с другой стороны помогает при правильном подходе усилить ресурсные возможности человека. Так.

Так, – подтвердили коллеги.

– Ну вот. А сейчас перед нами стоит вопрос вопросов. Что делать с Иваном Ильичом?

Попытаться разубедить его и продолжить лечение или отпустить его с богом, положившись на его веру в вещие сны.

«А вы сами Михаил Львович что думаете?» —спросила Наталья Степановна. Гурам Иосифович при этом солидарно кивнул, поддерживая вопрос коллеги.

– Я думаю вот что, – профессор Либерман на мгновение задумавшись, произнес: “В случае с Иваном Ильичом наша задача, как психотерапевтов-профессионалов будет поставлена правильно, если мы по мере наших сил и возможностей будем аккуратно использовать контекст суеверий, то есть те составляющие «вещего сна» как элемента внешнего воздействия, включая их в парадигму научной психотерапии, избегая сползания в мистицизм и эзотерику. И хотя результат терапии не прогнозируем и может оставлять двойственное ощущение, нельзя забывать о субъективной мировоззренческой картине нашего пациента, которая во многом пронизана, а иногда и строится на заблуждениях, суевериях и возможно в некоторой толике – мистицизма.

– Михаил Львович, извините что я вас перебил. Тут мне на память пришел случай. Я тогда только год проработал в вашем отделении, – Петр Александрович Волков встал со своего места, и посмотрел на коллег, расположившихся, напротив. – Вы знаете, то, что тогда делал Михаил Львович, показалось мне шоу, и я не знал, как к этому относится. Но тот не совсем обычный подход дал фантастический результат. Если честно, то я такого больше нигде и не у кого не видел.

Было видно, что профессор был польщен, но вида он не подал:

– В моей практике было много случаев, когда я использовал не совсем обычные подходы. Вы, Петр о каком случае говорите...

Доктор Волков повернулся к Либерману:

– Помните девочку пяти-шести месяцев, которой собака выкусила пол лица и ее слабоумную мать....

– Ну да, конечно, помню. Давайте я сам лучше об этом расскажу. Подобный подход позволил нам эффективно использовать те теоретические основания, о которых я только-что говорил. Спасибо Петр, что напомнил мне про этот случай, а то я как-то стал его забывать. Хотя раньше часто рассказывал об этом своим студентам.

Михаил Львович потер рукой свой высокий лоб, вспоминая «дела минувших лет».

– Дело было так....

– В детское глазное отделение из сельской глубинки привезли шестимесячного ребенка, которому собака искусала лицо. При этом был поврежден правый глаз. Вместе с ним была его мать, 17-летняя молодая женщина с признаками легкой дебильности. После проведенной операции (обработка и ушивание ран на лице, веках, глазном яблоке) мать и ребенка перевели в отдельную палату. Несмотря на обезболивающие препараты, ребенок беспрестанно плакал. Мать громко рыдала. Успокаивающие средства, которые давали ей внутрь и инъекции сильнодействующих препаратов не помогали, как и беседы врачей о том, что с ребенком все будет хорошо, и глаз будет видеть.

Меня пригласили посмотреть мать с целью коррекции ее психического состояния. Войдя в палату, я увидел растрепанную рыдающую молодую женщину, которая неистово крестилась и целовала свой нательный крестик. На кровати лежал ребенок и громко плакал. Попытка вступить в контакт с женщиной не увенчалась успехом. Она меня не то что не слушала, она меня даже не видела, а только что-то нечленораздельно причитала и рыдала.

Учитывая, что женщина чрезвычайно религиозна и наделена легкой степенью слабоумия (из деревни, где ментальность во многом определяется примитивными этнокультуральными верованиями, где бабушки «лечат», заговаривают, «снимают» порчу и сглаз, ведьмы колдуют и т.п.), я посчитал, что в такой ситуации может помочь какой-либо народный (магический) ритуал, по типу снятия порчи или сглаза. Было решено умыть ребенка и его мать «заговоренной» водой.

Понимая, что статус врача не позволит мне достичь нужного эффекта, я договорился с одной пожилой санитаркой, что она проведет данный ритуал.

Для того, чтобы привлечь внимание рыдающей женщины, я собрал всех работников отделения (врачей и медсестер) в белых халатах в палате, создав видимость ситуации консилиума. Посовещавшись 2-3 минуты, при этом громко разговаривая и используя латинскую терминологию, все одновременно быстро вышли из палаты. Во внезапно наступившей тишине палаты отчетливо слышался плач ребенка и громкие причитания его матери.

В это время в палату вошла пожилая санитарка, одетая как «настоящая бабушка» (длинная юбка, кофта и повязанный на голову платок), с горящей свечой, и иконой. Увидев ее, молодая женщина перестала плакать и стала внимательно следить за происходящим. «Бабушка» поставила свечу и икону на подоконник и вместе с матерью ребенка прочитала короткую молитву, после чего налила в чашку воды из принесенной с собой баночки. После этого она начала зажигать от горящей свечи спичи и бросала их в тарелочку с водой, при этом что-то нашёптывая на воду. Когда молодая женщина совсем успокоилась, «бабушка» умыла этой водой ее и ребенка. Через пять минут молодая женщина уснула, успокоился и ребенок. В последующие дни до выписки из стационара молодая мать была спокойна и заботлива в отношении своего ребенка.

– Вот так коллеги, – профессор довольно улыбался. – Что мы сделали? Мы искусственно создали ситуацию, когда данный прием контекстуально очень хорошо вписался в субъективную реальность молодой деревенской слабоумной женщины. И как итог – положительный результат со стойким эффектом.

– Браво, – зааплодировали сотрудники отделения.

– Что же в отношении Ивана Ильича? – продолжил Михаил Львович. У нашего пациента при всей схожести ситуации и вере в мистицизм «вещих снов», результат оказался не полным, и я думаю, что он будет не долгим. Решение проблемы выбора Иваном Ильичом осуществлялось под скрытым психологическим давлением, которое осуществила его «умная жена» с помощью манипулятивной техники «вещих снов» (сознательно или бессознательно – это уже другой вопрос). Да, она получила нужный результат, и это повлияло на внешнее поведение ее мужа, решившего остаться в семье. Но как вы понимаете коллеги – это внешняя реальность. А вот внутренняя реальность Ивана Ильича, его истинные мысли, чувства и переживания остались не проработанными, как и проблема его любовно-эротической зависимости и чувства к Елене Андреевне.

Обращаясь к профессору, доктор Ниарадзе спросил:

– Михаил Львович, а что вы думаете о прогнозе этого пациента?

– Прогноз в таких ситуациях не очень благоприятный если он прекратит все лечение полностью. Возможно и углубление депрессии вплоть до суицида, а возможно обострение психосоматики. Инфаркты, инсульты и т.п. В общем ничего хорошего.

– Да печально, тихим голосом произнесла Наталья Степановна. – Жалко дедушку.

– К сожалению, это жизнь, а мы не боги. Итак, – профессор Либерман оглядел присутствующих на консилиуме врачей:

– Подведем итог в отношении терапии Ивана Ильича. Считаю необходимым продолжить лечение антидепрессантами в тех же дозах, и по возможности максимально длительно, насколько нам позволит это наш пациент, проводить рациональную и суггестивную психотерапию. Суеверия не трогаем. Прожил с ними жизнь, пусть и дальше живет. А то разрушим систему психологических защит, совсем уязвимый будет.

– Вы согласны со мной коллеги? – обратился профессор к своим подчиненным.

Ответом было дружное «Да».

Еще две недели после консилиума Иван Ильич продолжал лечение.

После того как он сообщил доктору Либерману о «вещем сне» своей жены прошло около одного месяца. Настроение пациента стало понемногу угасать и не было того изначального псевдооптимизма.

Последние сеансы протекали вяло.

– Иван Ильич, вас что-то гнетет? – прямо и без экивоков спросил, глядя ему в глаза Либерман.

Пожилой пациент напрягся, как-то съежился и не смотря на профессор произнес:

– Жена настаивает, чтобы я прекратил пить таблетки и перестал ходить вам.

– А вы что думаете?

– Я думаю, что она права.

– И что, мне не удастся повлиять на ваше решение? – спросил Либерман.

– Извините Михаил Львович, мы с женой уже все обсудили и решили.

– Ну что же, тогда мне только остается с уважением отнестись к этому. Будем считать, что мы совместного обсудили решение об окончании лекарственной терапии, и окончании психотерапевтических сеансов.

«Давайте прощаться», — и доктор Либерман протянул для рукопожатия своему пациенту руку. Тот с благодарностью крепко ее пожал. На глазах у него были слезы.

«Очередная весна. Пора любви и психических обострений», – думал Михаил Львович Либерман, стоя у окна и разглядывая происходящие изменения природы. Тревожный негромкий стук в двери кабинета отвлек его от размышлений. Это был Иван Ильич.

Он пришел к профессору Либерману через три месяца после последней их встречи и попросил направление на стационарное лечение в психиатрическую больницу.

Слишком тяжело ему было.

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ О НАИВНОСТИ, СЛАБОСТИ И СИЛЕ.

В представленной книге автор опирался на собственный врачебный опыт. События основаны на фактах, персонажи в большинстве своем не имеют реальных прототипов, а имена, фамилия, обстоятельства и места происходящего вымышлены. Возможно, кто-то из читателей заметит сходство с кем-то из знакомых, родственников или друзей. Возможно, некоторые детали описываемых событий могут напомнить происходящее в их личном прошлом. Возможно... Однако, всякое совпадение персонажей книги с реальными людьми случайно.

Когда так много впереди,

Всего, в особенности-горя.

Поддержки чьей-нибудь не жди,

Сядь в поезд, высадишь у моря.

Иосиф Бродский

Предисловие.

В который раз, перечитывая свой дневник, свою политую слезами исповедь, Татьяна, Татьяна Николаевна Михайловская, думала о том, что все сделала правильно. С одной стороны, это очень интимная и очень ценная для нее рукопись, страдания ее души, боль ее сердца, писалась для себя, а не для всеобщего обозрения. Но с другой – это то, что может реально кому-то помочь. Когда она писала, исповедуясь только перед самой собой, хотелось плакать от одиночества и беспомощности.

Принятое Татьяной решение изменило если не все, то очень многое. Она снова стала жить. Но не так как раньше по наитию, наивно и бездумно-неосознанно, а продуманно и расчетливо, с пониманием и ответственностью.

Хорошее настроение и осознание наполненностью светом и любовью к себе преобразили ее. И без того симпатичная, светлоглазая, белокожая, стройная блондинка превратилось просто в красавицу модельной внешности.

Было уже за полночь, но спать не хотелось. Оглядывая свою комнату с пестрыми дешевыми, местами порванными обоями, старым сервантом и колченогим диваном, Татьяна грустно улыбалась. Бабушкина квартира. Как ей хорошо в ней было когда-то. А потом не сразу, но медленно и постепенно все стало рушиться и меняться. Появились боль, страх, ожидание беды.

“Да”, – думала она: “Наверное, это то, что осталась у меня от прошлой жизни как напоминание об ошибках, сделанных мною. Что наша жизнь? Пушкин, наш величайший поэт Александр Сергеевич Пушкин считал, что жизнь – это ИГРА!!!

Нет, уважаемый классик. Нет и еще раз нет. Жизнь – это не игра, ибо ставки в ней слишком высоки.

И не театр.

Михайловская вспомнила Шекспира, у которого есть замечательные, известные многим, слова относительно жизни:

Весь мир – театр.

В нем женщины, мужчины – все актеры.

У них свои есть выходы, уходы,

И каждый не одну играет роль.

Нет. Жизнь – это не театр с его сценической наигранностью, фальшью, интригами и сложными, иногда коварными взаимоотношениями между актёрами. Не то, чтобы Татьяна не любила театр. Она с удовольствием посещала классические спектакли и авангардные постановки. Ей нравилась атмосфера театра как храма, как противопоставление, некий антипод реальности. Поэтому сравнение театра с миром реальности и с жизнью ее немного напрягало.

Татьяна Михайловская хорошо знала как современную, так и классическую литературу. Спасибо бабушке.

Детство Тани было счастливым и безоблачным. Она была солнечной, доброй и нежной девочкой. Больше воспитывалась бабушкой, нежели матерью с отцом, вечно озабоченных работой, нехваткой времени и денег.

Бабушка, высокая, статная и строгая, в прошлом педагог – учитель русского языка и литературы, пыталась реализовать свою сокровенную мечту. Вырастить исключительно интеллектуальную чувственную барышню с хорошим вкусом и благородными манерами. С дочерью

не получилось. Загруженность по работе и через чур бойкий, больше мальчишеский характер дочки – матери Татьяны, не позволили воплотить ее идеи-фикс в жизнь.

Танечка, в отличие от своей матери была другая – спокойная тихая, тянущаяся к общению с бабушкой. Начала читать с трех лет. К пяти годам она уже свободно писала, причем не корявыми полупечатными буквами, а почти каллиграфическим почерком. Окружающих это умиляло и приводило в восторг. К девяти годам перечитав все книги из домашнего огромного книжного шкафа, она взялась за районную библиотеку.

Татьяна с детства вела дневник. Ей нравилось писать. Своим каллиграфическим почерком, выработанным под пристальным вниманием бабушки, она записывала в разлинованной тетрадке все, что происходило с ней дома, в школе, во дворе... С кем дружила, кто ее обижал.

“Каждая приличная девушка должна иметь свой дневник” – считала Танина бабушка. Внучка по этому поводу не возражала. Более того – ей было интересно писать и перечитывать свои заметки, экспериментировать с написанным, сочинять коротенькие детские стишки, делать зарисовки ручкой или цветными карандашами. Дневник был только ее территорией, где события жизни переплетались с фантазиями, девичьим переживаниям и куда вход посторонним был строго запрещен.

Писала Татьяна легко и свободно. Литература и русский язык – любимые предметы. Ее сочинения были лучшими в школе. Однако подводили математика, физика и химия, которые никак не давались ученице Тане Михайловской. Родители ругали за это дочь, даже пытались нанять репетитора, но бабушка жестко дала им отпор. Как педагог она считала, что у каждого ребенка есть способности, которые надо развивать и способности, которые никогда не пригодятся в жизни и их не надо трогать.

Мудрая бабушка оказалась права. Успешное участие Тани в литературных олимпиадах и конкурсах приносило дивиденды в виде дипломов, поощрений, дополнительных баллов при поступлении в институт и повышенной самооценки.

Татьяна Михайловская расцветала.

После окончания школы сложностей с выбором профессии не было. Татьяна легко поступила в литературный институт, где училась с большим удовольствием и который закончила с красным дипломом.

Литературовед, литературный критик, в какой-то степени журналист – Татьяна Михайловская с головой погрузилась в работу. Встречи с молодыми людьми были эпизодическими и носили характер скорее любопытства, нежели чего-то большего.

Получив филологическое образование, и погруженная большую часть своего времени в проблемы книжных персонажей, Татьяна недостаточно хорошо знала реальную жизнь. Этому же способствовали достаточно узкий круг общения, заботливая бабушка и родительская опека. Таня как бы и не возражала этому своему комфортному состоянию, не понимая того, что реалии настоящего проходят мимо, формируя у нее житейскую наивность и беспомощность.

А потом счастливая, спокойная жизнь закончилась. Медленно, как-бы исподволь стали появляться тревоги, страхи, депрессия и не проходящая душевная боль. Они усиливались с каждым днем, лишая сна, сдавливая горло и не давая дышать. От ощущения бесперспективности борьбы опускались руки. Отдушиной был дневник, в который Татьяна своим каллиграфическим почерком записывала происходящее. Это приносило ей временное облегчение, на некоторое время освобождала от тревоги настоящего дня, но страх за будущее оставался непоколебимым.

Пыталась искать помощи. Чаще безуспешно, но иногда бывали чудесные встречи, вселяющие оптимизм и заставляющие жить дальше.

Периодически под псевдонимом она выкладывала кусочки из своего дневника в социальные сети. Делилась своими мыслями, переживаниями. Получала обратную связь в виде сове-

тов или вопросов. Иногда это увлекало и затягивало ее, а иногда просто не хотелось подходить к ноутбуку и что-то писать. Накатывала тяжелая беспросветная тоска.

Целиком опубликовать дневниковые записи, да еще под своим именем Михайловская не решалась. Ей казалось, что если она это сделает, то будет уязвима. Выжидала время.

И оно пришло.

Татьяна это осознала не сразу. На те микроскопические изменения, которые происходили с ней, она вначале не обращала внимания. Но постепенно элементы некой стабильности стали более отчетливо осознаваться. Появилось внутреннее спокойствие. Забытая когда-то улыбка все чаще стала появляться на ее лице. Уменьшилась гнетущая, давящая к земле слабость. Вроде бы мелочи, но и окружающие люди в ее восприятии тоже стали меняться, становиться мягче, душевнее, отзывчивее.

Вот и сейчас, оставшись в квартире одна, Татьяна, анализируя происходящие изменения, погрузилась в размышления. Однако неожиданный удар в дверь, громкий и резкий, как будто бы что-то упало, заставил ее вздрогнуть. Прислушалась. В полуночной тишине больше не раздавалось никаких звуков. Внутреннее напряжение, смешанное со страхом нарастало. Татьяна тихо, на цыпочках, не включая света подошла к входным дверям и заглянула в глазок. Лестничная площадка была пуста, двери напротив закрыты. Осторожно и медленно, стараясь не шуметь, она приоткрыла дверь. То, что она увидела, ввергло ее в ступор, голос застрял где-то в глубине ее тела. На ступеньках, идущих вверх на следующий этаж, лицом вниз лежал мужчина в светлой рубашке. Нож торчал у него из спины. Густая темная кровь медленно вытекала из безжизненно лежащего тела.

Через три месяца после описанных выше событий.

В полутемном кабинете в глубоком кресле сидел человек в белом халате. Свет настольной лампы освещал приятное немолодое лицо и мятую тетрадь в его руках. Поза выдавала сильную усталость. Доктор Либерман Михаил Львович, как обычно, задержался после работы, чтобы завершить незаконченные за день дела: заполнить амбулаторные карты больных, контролировать работу своих сотрудников, врачей психотерапевтического отделения, подписать больничные листы, ответить на формальные письма чиновников от медицины и т. д.

За окном моросил дождь, и периодически ветви стоящего рядом клена, стучали в стекло. Общая атмосфера убаюкивала, клонила в сон. Но то, что читал Либерман в тетради, было очень интересно и не давало заснуть. Перелистывая листок за листком, Михаил Львович погружался в события печальные и даже в чем-то трагические. Исповедь измученной женщины. Безысходность, тоска и душевная боль. На каждой странице.

Михаил Львович прикрыл глаза, вспоминая молодую улыбающуюся женщину, одетую скромно, но со вкусом. Она не записывалась на прием в обычном порядке, а поймала доктора Либермана в коридоре отделения.

Приятный тембр ее голоса с вежливыми и в то же время интеллигентными нотками просьбы: «Михаил Львович, вы не уделите мне пять минут?» – не предполагал отказа.

– Прошу вас, – Доктор Либерман правой рукой указал направление, где был его кабинет.

– Я подойду к вам через пятнадцать минут. Дела, знаете ли, – и с полуулыбкой вновь быстрым шагом пошел по длинному коридору отделения, сверкая огромной лысиной и белизной халата.

Прошло больше часа, но женщина продолжала сидеть около кабинета Либермана, рассматривая какую-то брошюру на журнальном столике, скромную табличку на дверях, на которой было написано, что помимо того, что Либерман М. Л. является заведующим отделением психотерапии в университетской клинике, он еще и профессор, и доктор медицинских наук. В общем, светило.

Через полтора часа вернулся доктор Либерман, весь в смущении и извинениях:

– Простите меня. Неотложные дела. Не думал, что задержусь так надолго, – и, открывая дверь ключом, пригласил даму в кабинет, где предложил ей сесть.

Молодая женщина спокойно, не торопясь села на указанный ей маленький диванчик. Сам Михаил Львович присел на краешек стула напротив нее, надеясь, что беседа будет недолгой.

– Слушаю вас. Вы так долго ждали, что мне даже как-то неудобно, – продолжал, явно оправдываясь, доктор.

– Это вы меня извините, Михаил Львович. Я без записи. Зовут меня Татьяна. Татьяна Михайловская. Я слышана о вас. Вы хороший доктор, многим помогли.

Либерман, как бы смущаясь, опустил глаза.

– Но я не за помощью, я сама справилась с ситуацией. Решила многие проблемы... Скорее, не так: решила главную проблему, а сейчас не то, чтобы тупик, а какой-то ступор.

Либерман кивнул головой, выражая понимание.

– Рассказывать долго, – продолжала нежданная визитерша. – В этой тетради я подробно описала все, что со мной произошло. Я знаю, что вы очень занятой человек и вовсе не обязаны помогать или давать советы всем подряд. Но если вас заинтересует моя история, вы, пожалуйста, позвоните мне.

Через неделю Либерман позвонил:

– Татьяна. Добрый день. Я прочитал вашу исповедь. Скажу прямо – впечатлился. Если вы не возражаете, я хотел бы встретиться с вами.

– Конечно-конечно, Михаил Львович. Когда вам будет удобно?

– Завтра в полдень вас устроит?

– Вполне, – в голосе Татьяны слышалась удовлетворенность. – Очень даже для меня удобно.

– Замечательно, – произнес профессор. – Давайте только не у меня в кабинете. Я устал от него. Завтра обещали солнечный день без дождя. Будет хорошая погода. Если вы не против, то можно встретиться в университетском парке. Он у нас восхитительный.

– Хорошо, – ответила Михайловская, после чего возникла небольшая пауза.

– Буду вас ждать, Татьяна. Вы меня узнаете по большой лысине и вашей тетрадке в правой руке, – Неловко пошутил Либерман.

В телефоне послышался звонкий, искренний женский смех.

– Тогда до встречи завтра в полдень. До свидания, Михаил Львович, – и Михайловская отключила телефон.

Либерман про себя отметил, что женщина не лишена чувства юмора, это вселяло определенный оптимизм.

На следующий день профессор Либерман и Татьяна Михайловская сидели в университетском парке на скамейке под раскидистым желто-красным кленом. Был теплый осенний день, создающий особое настроение благодати и умиротворения.

Скамейка была жесткой и неудобной. Она стояла на центральной аллее парка, и студенты, и преподаватели, идущие на обед, постоянно здоровались с профессором, отвлекая и мешая сосредоточиться на разговоре.

Либерман предложил Татьяне пройти по более уединенным аллеям, где бы им никто не мешал и не отрывал от беседы.

– Вы знаете, Татьяна, то, что вы написали, в некотором роде уникально.

Молодая женщина улыбнулась:

– Вы, Михаил Львович, преувеличиваете.

– Ну, может быть, чуть-чуть, – хитро щурясь, произнес Либерман. – Совсем немного. Так все подробно и доступно написать может далеко не каждый.

– Спасибо. Мне писать не трудно. Я ведь филолог по образованию.

– Да. Это многое объясняет, но не все. Кого-то могло все это сломать. Вы, Татьяна, прошли через трудный, длинный и тяжелый путь. Пережили смерть близкого когда-то вам человека. Все это грустно и печально. Но теперь вы от многого деструктивного и негативного освободились и в принципе абсолютно свободны. Сейчас я вижу перед собой молодую, привлекательную женщину. Ни тени депрессии и тревоги. Что вас беспокоит?

– То-то и беспокоит, когда, добившись того, чего хотела, что-то упустила или недополучила.... В общем, не знаю, но чувствую неудовлетворенность.

– Да, к сожалению, такое бывает достаточно часто, когда ставишь конкретную цель, а дальше свой жизненный сценарий не прописываешь.

– Это как? Извините, я вас не поняла, – смущенно произнесла Татьяна.

Профессор удивленно посмотрел на нее, искренно не осознавая, как можно не понимать очевидного:

– Ну, на самом деле здесь все абсолютно просто. Для примера: молодой человек долго ухаживает за любимой девушкой и делает ей предложению руки и сердца. Девушка дает свое согласие и выходит замуж за любимого человека. Свадьба. Шампанское. Фейерверки. Все!!! Хеппи-энд. Но!?!.. – и Либерман поднял указательный палец правой руки вверх. – Но у каждого из них свой жизненный сценарий долгой и счастливой семейной жизни. И надо же было так случиться, что они не совпали. Бывает. Знаете ли, бывает чаще, и даже чаще, чем хотелось бы. И по какой-то причине молодые люди и не очень не находят компромиссов. Происходит разрыв отношений. И еще совсем недавно без ума счастливые влюбленные расходятся. А вот это уже не прописано в их жизненных сценариях!

В этот момент профессор остановился и посмотрел на Михайловскую.

– Теперь вы понимаете? Крах, кризис, ну и весь прочий негатив. Прописанный подсознательно жизненный сценарий рушится. Если личность гибкая и пластичная, через какое-то время она адаптируется к изменившейся ситуации. Начинает формироваться новый жизненный сценарий. Происходит его корректировка. Но так бывает не всегда.

– И что делать тогда? – простодушно спросила Татьяна.

– Не затягивать. Обращаться к психотерапевту, что, в принципе, вы и сделали. Где-то интуитивно, на уровне подсознания, вы поняли, что ваш путь и ваша победа могут помочь и другим женщинам.

– Я как-то об этом не думала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.